

ПРОЛОГ

ВОЛШЕБСТВО

5 июня 1879 г.

Шестилетняя Эдит Дрессер на роликах бороздила узорчатый шерстяной ковер в комнате матери — Сьюзан. Ноги передвигала с трудом: колесики плохо скользили по ворсу, словно утопали в песке. Зато сейчас, пока три ее сестры катались на роликах в столовой, ее восхитительная мама принадлежала ей одной. Эдит жила ради таких мгновений полнейшего счастья. Мама собиралась на вечерний прием. Обычно одеваться ей помогала камеристка, но той сегодня нездоровилось. Вместо нее перед маминым гардеробом стояла Эдит — ролики прибавляли ей рост, — восторгаясь висевшими в ряд туалетами на все случаи жизни.

— Дорогая, а если сегодня вечером я буду в розовом, как ты считаешь? — спросила Сьюзан. Эдит пыталась сосредоточить внимание на матери, но взгляд сам собой устремился в дальний угол узкого стенового шкафа.

— Мне нравится розовый цвет, мама. — Эдит неуклюже протопала к хорошо знакомому наряду и пальчиком робко провела по кружевному краю любимой вещи, ко-

торую они с сестрами обожали примерять: это была мамина подвенечная фата.

Сьюзан с улыбкой наблюдала, как дочь рассматривает самый ценный предмет ее гардероба. Поддавшись порыву, она встала у малышки за спиной, сняла с вешалки длинную фату и жестом велела Эдит следовать за ней. В окружении роскоши светлой спальни Сьюзан надела на головку дочери дорогую сердцу «шапочку Джульетты», бережно касаясь украшающих ее жемчужин, и заулыбалась.

— Ах, какая прелесть моя девочка! — воскликнула она, расправляя на плечиках дочери отороченный по краю кружевом тюль, составлявший резкий контраст с серым шерстяным платьем Эдит. Та затаила дыхание, застыла, словно статуи во дворе, чтобы не дай бог не порвать фату.

Глядя в зеркало, Эдит видела, что она преобразилась. Да, на нее по-прежнему смотрело ее собственное отражение, в ее обычном платье, с любимыми роликами на ногах. И в то же время это была совсем не она.

Сьюзан наклонилась к дочери, встретившись с ней взглядом в зеркале.

— В один прекрасный день — сказала она, — ты вырастешь и встретишь мужчину, которого сильно полюбишь, и тогда ты наденешь эту фату, как это сделала я, когда вышла замуж за твоего папу.

Эдит смотрела, как ее глаза широко распахиваются, воображая эту картину. Потом она наморщила носик.

— Мама, но я хочу остаться с тобой.

В других домах, знала Эдит, в таких же, в каком жила она, от маленьких девочек требовали, чтобы они были тише воды, ниже травы. Им не позволялось кататься на роликах в комнатах и уж тем более примерять элегантные туалеты своих мам. С какой стати у Эдит возникнет желание рас-

Настоящее сокровище Вандербильтов

статься с мамой, которая разрешает ей держать во дворе с десяток черепашек?

Рассмеявшись, Сьюзан присела на корточки перед дочерью, снова поправила на ней фату, обняла и сказала:

— Нет, Эди. Ты встретишь замечательного мужчину и станешь самой красивой невестой. Папа поведет тебя к алтарю, твои сестры будут сопровождать тебя в качестве подружек невесты, а мне придется шмыгать носом в платок и вытирать глаза от счастья и гордости за тебя.

Эдит пришла в замешательство.

— Если ты будешь счастлива, зачем же тогда плакать?

— Потому что мамы всегда плачут, когда выдают замуж дочерей.

Эдит смотрела на маму, пытаясь вспомнить, видела ли она когда-нибудь, чтобы та плакала от счастья. Нет, ничего такого она не припоминала, но, правда, Эдит, бывало, по многу часов не видела маму: у нее была своя жизнь, в которой Эдит не участвовала. По ее наблюдениям, маме нравилось жить с папой, а также с Эдит и ее сестрами — Сьюзан, Полиной и Натали. Тогда не исключено, что и Эдит понравится иметь собственную семью. Но у нее есть условия. Подумав про свою любимую сказку, «Золушка», девочка заявила:

— Если мне суждено выйти замуж, пожалуй, я хотела бы быть принцессой.

Сьюзан весело рассмеялась.

— Ну конечно. Ты обязательно станешь принцессой. Будешь жить в замке в большом-пребольшом поместье, где можно подолгу гулять и дышать свежим воздухом. У тебя будет своя камеристка и детская, где будут звенеть голоса славных малышей. Ты найдешь мужа, который будет лю-

Кристи Вудсон Харви

бить тебя больше всего на свете и положит к твоим ногам всю землю и небо.

Это навело Эдит на чудесную мысль.

— Мама, а можно я выйду замуж за папу?

Сьюзан снисходительно улыбнулась.

— Ну, вообще-то, у папы уже есть жена — я. Но ты найдешь такого же замечательного человека, как папа — доброго, красивого, любящего. И он будет заботиться о тебе так же, как папа заботится обо мне.

Эдит кивнула. Внезапно ей подумалось, что стать невестой — это очень, очень важно. Девочка снова посмотрела на себя в зеркало. Ах, какая красивая фата! Какая она сама красивая в этой фате!

— Это волшебная фата, да, мама?

Сьюзан энергично закивала.

— Конечно, волшебная, милая, — шепотом отвечала она. — И ты раскрыла секрет ее волшебства. Надев эту фату в день своей свадьбы, ты будешь счастлива вечно.

Эдит напоследок еще раз взглянула на себя в зеркало, и у нее возник вопрос: должна ли она поделиться этой судьбоносной новостью со своими сестрами? Пожалуй, нет. А то еще погубит свое счастье. Это только ее тайна, ее и мамина. Свадебная фата — волшебная. И, как только она наденет ее, ей будет обеспечена сказочная жизнь, которую обещала мама.

ДЖУЛИЯ

СЛЕДУЯ ПРАВИЛАМ

В наши дни

Многие месяцы мама твердила мне, что в Эшвилле устраивать свадьбу в апреле рискованно. «Джулия, и снегопад может случиться», — снова и снова напоминала мне она.

Но сейчас, когда я стояла у кирпичной дорожки, что вела к зимнему саду в поместье Билтмор, и охваченная благоговением, с восхищением любовалась оранжево-желтым полем тюльпанов, тянувших свои головки к солнцу, мне казалось, что никакого снега и быть не может. Перед сооружением из кирпича и стекла стоял длинный стол под сводом из гирлянд роз, гортензий и, разумеется, тюльпанов.

— Идеально, — шепотом выдохнула в это священное безмолвие моя лучшая подруга Сара, которой была отведена роль одной из свидетельниц на моей свадьбе. В ответ я лишь кивнула, чтобы не нарушать тишину, продлить мгновение этого божественного покоя.

Сара взяла меня под руку.

— Готова?

Я машинально кивнула. А в каком, собственно, смысле? Разве к этому можно быть готовой? Бракосочетание еще

только завтра, но свадебная неделя уже стартовала. Начало ей положил сегодняшний девичник. Пока мой суженый, Хейз, вместе с друзьями стреляет по тарелочкам, пьет бурбон и предается всем прочим развлечениям, как полагается жениху и его шаферам накануне свадьбы, я буду здесь потягивать шампанское и есть сэндвичи в компании мамы, подружек невесты, моей тети и женщин из семьи Хейза, включая его мать. Отношения между ними сложные, отчего и мое отношение к этому мероприятию неоднозначное. Однако мои сомнения по данному поводу помогла развеять женщина, которой я обязана великолепием этого дня: моя бабушка, Барбара.

Может, человек и не способен повлиять на погоду — в конце концов, никто не властен над силами природы, — но бабушка была из тех женщин, которые, очевидно, могли устроить даже ясный безоблачный день. Вместе с моей тетей Элис, занимавшейся организацией свадьбы, она подобрала коричневые стулья «Кьявари»*, что сейчас стояли вокруг стола, провела бесчисленное число встреч с флористом, до мельчайших подробностей обговорила меню для нынешнего обеда, и, ко всему прочему, каким-то образом добилась, чтобы день выдался теплым и солнечным, наполненным благоуханием восхитительных тюльпанов. Потому что это был *мой* день. Пусть ей и не очень нравился мой жених.

Бабушка *открыто* свое мнение никогда не выражала. Но я чувствовала, что она не одобряет мой выбор. Знала это.

Мама, напротив...

* Стулья «Кьявари» — модель банкетной мебели, разработанная на основе стиля французского ампюра. Этот тип стульев получил свое название в честь итальянского города Кьявари, где он был создан Джузеппе Гаэтано Дескальци (1767–1855). Основное отличие стульев «Кьявари» — это немного упрощенное декоративное оснащение и в то же время осветление конструкции.

Настоящее сокровище Вандербильтов

— Это здесь! Здесь! — пропела она у меня за спиной. Обернувшись, я увидела, что мама идет по тропинке со своей сестрой-двойняшкой.

— А мы-то надеялись, что придем сюда на часок пораньше, выпьем без никого по бокалу шампанского. Облом, — тихо произнесла Сара.

— Зато мама сама выглядит как бокал шампанского, — заметила я.

Она нарядилась в элегантное облегающее платье цвета шампанского, подпоясанное тоненьким ремешком, и изящные желтовато-коричневые туфли-лодочки. На тете Элис было до жути схожее платье голубого цвета, но с палантинном. Эти туалеты на маме с тетей воочию я видела впервые, зато за последние месяцы мне про них все уши прожужжали.

— Обе выглядят роскошно, — похвалила Сара. — И в одном стиле. — Они сделали одинаковые прически, только мамыны волосы были гораздо светлее, почти белокурые. А Элис все еще героически пыталась имитировать темный цвет, хотя ей приходилось постоянно бороться с сединой.

— Я тебе говорила про «ПауэрПойнт»? — спросила я.

Сара наморщила лоб, из чего я заключила, что она об этом не слышала.

— Бабушка брала уроки по освоению планшетов в гериатрическом центре, чтобы оказывать более действенную помощь в организации свадьбы. Всех в семье заставила прислать ей фотографии своих туалетов — в комплекте с обувью, аксессуарами и сумочками — на каждое мероприятие. Потом подготовила презентацию и разослала всем в качестве памятки. Скажем так, — добавила я, наблюдая за приближением мамы, — некоторые из первых вариантов ансамблей, что мы отправили бабушке, не прошли проверку.

Сара прыснула со смеху. Когда дело касалось семейных торжеств, бабушка ничего не оставляла на волю случая.

Улыбаясь, мама обняла и поцеловала Сару и меня.

— Нет, нет, — подхватила мою мысль мама и, передразнивая бабушку, отчеканила: — Это не запреты. Просто *коррективы*.

Элис взяла меня под руку.

— Ну что, пожалуй, мы справились. Здесь все готово. Мы все в подходящих туалетах. И снега нет.

— А если б даже шел? Какие проблемы? — полюбопытствовала я.

— А доставка продуктов? Это был бы сущий кошмар, — ответила тетя Элис.

— Но где же бабушка? — спросила я, наконец-то заметив ее отсутствие. На этот обед мы все собирались в эшвиллском домике, что расположен в горах, в коттедже, которым ее семья владела на протяжении многих поколений, и я предположила, что бабушка отправится сюда с мамой и тетей Элис, поскольку мы с Сарой уехали раньше.

В ту же секунду откуда-то сзади донесся ее голос:

— Девочки, давайте сюда, живо! Вы должны это видеть! — Одна из дверей зимнего сада распахнулась, и моему взору явилась бабушка во весь свой полный рост — пять футов два дюйма*. Синий трикотажный костюм, маленькая шляпка, туфли-лодочки на маленькой шпильке. Она замахаала рукой, подзывая нас, да еще с таким видом, будто это поместье принадлежало ей. Мы поспешили на ее зов.

Мне сказали, что торжественный обед будет проходить под открытым небом, в саду — для моей мамы, страшившейся снегопада, еще один повод поддаться панике. Но, переступив порог зимнего сада, я поняла, что это не совсем

* 5 футов 2 дюйма — примерно 1 м 60 см.

Настоящее сокровище Вандербильтов

так. В окружении пальм, гортензий и орхидей, среди которых порхали райские птицы и — что самое удивительное — сотни бабочек, стоял маленький столик, а на нем — ведро с откупоренной бутылкой шампанского и пять бокалов. В мгновение ока бабушка принялась разливать шампанское, вручая каждой из нас по бокалу.

— Я подумала, что мы должны поздравить нашу девочку до того, как сядем обедать в саду, — объяснила она.

Я улыбнулась, обводя взглядом четырех своих самых любимых женщин. Порой мама сводила меня с ума, но я ее обожала. С тетей Элис они вечно то собачились по пустякам, то души друг в друге не чаяли, но обе мне всегда подставляли плечо. И Сара за меня стояла горой. С самого детства, с тех пор, как нам было по пять лет и она заступилась за меня, защитив от несправедливых обвинений в том, что я болтаю на уроке. Никого не удивило, что она стала государственным защитником. Ну и, конечно, бабушка. Образец стойкости, мужества и — как и любая замечательная бабушка — мудрости. Я черпаю у нее вдохновение каждый божий день.

— За мою умницу и красавицу Джулию, — произнесла она тост, поднимая бокал. — Тебе всегда было предназначено завоевать мир. Будь счастлива, родная моя.

Все радостно подняли бокалы, чокнулись. А я почувствовала, как меня охватывает знакомая паника. Неужели я выйду замуж? Завтра? За Хейза? И, пожалуй, самый важный вопрос: а нужно ли?

Следуй правилам, стала твердить я себе. *Следуй правилам*. Остальные, возможно, искренне пили за мою свадьбу, но бабушка устроила мне проверку. Спрашивала меня, почему я внезапно изменила себе, отказалась от той жизни, о которой всегда мечтала. Я приосанилась, отвела назад плечи, убеждая себя, что это *мое* решение. Мое будущее — это Хейз и наша

семья, которую мы с ним создадим. Остальное образуется само собой.

В сад бабочек начали прибывать мои подруги. Откуда ни возьмись, появился мужчина в черно-белой униформе. Он стал разносить гостям шампанское. Надо же, сколько женщин пришли поддержать меня, мое решение сочетаться браком с любимым мужчиной! Значит, зря я извожу себя сомнениями. Глупости все это. Каждая девушка нервничает перед свадьбой. Разве нет?

Подняв глаза к потолку, я рассматривала десятки стеклянных панелей — ручной работы, не иначе, — которые образовывали крышу этого исторического здания. Интересно, что бы я чувствовала, разрабатывая чертежи массивных арочных окон, вставленных в обрамление этой чудесной кирпичной кладки? Осознав, что я завидую архитекторам, жившим более века назад, я невольно задалась вопросом: правильно ли я поступила, что отказалась от карьеры своей мечты? Я опустила глаза и заметила, что на ободок моего бокала села бабочка. Сара щелкнула фотокамерой в телефоне, выводя меня из раздумий. Бабушка постучала вилкой по бокалу.

— Дамы, прошу внимания. Сначала небольшой сюрприз, ну а потом уже за стол.

Гости взволнованно загудели. Я придвинулась ближе к бабушке и шепотом, чтобы не спугнуть бабочку, спросила:

— Мы пьем шампанское в зимнем саду. Чем не сюрприз?

— Джули, сюрпризов много не бывает. И в жизни, и уж тем более на торжественных приемах. — Бабушка вскинула брови. — Именно сюрпризы направляют нас на жизненном пути.

Настоящее сокровище Вандербильтов

Словно услышав ее, бабочка-данаида на моем бокале расправила свои оранжево-черные крылышки и упорхнула в орхидеи, где ей было самое место.

В дверях появилась женщина лет пятидесяти пяти в черно-белой униформе экскурсовода Билтмора. В руках она держала стопку книг.

— Позвольте представить вам одного из замечательных гидов Билтмора, — во всеулышание объявила бабушка. — Она проведет для нас экскурсию по зимнему саду и парку. А в честь свадьбы Джулии мы получим особый подарок. С помощью персонала Билтмора для каждой из присутствующих мы сделали фотоальбом, в котором собраны снимки со свадьбы Корнелии Вандербильт.

— Бабушка! — Я схватилась за грудь. — Не может быть! — Вместе с бабушкой я с детства периодически посещала Билтмор, бывала здесь много раз, и за годы взросления прониклась очарованием здания. Еще больше меня завораживала личность Корнелии Вандербильт — сначала девочки, потом — женщины, — которая выросла и жила здесь. Я знала, что она была первой невестой в Билтморе, но не припоминала, чтобы когда-либо видела фотографии с ее свадьбы. Экскурсовод вручила мне альбом, и сердце мое затрепетало от благодарности. Бабушка была такой чуткой и заботливой.

— Помнишь, как я впервые привела тебя сюда? — спросила она. — Тебе тогда было всего шесть лет, и архитектурные изыски Билтмора вызвали у тебя не меньший восторг, чем кондитерская.

— Ты — лучшая бабушка на свете, — рассмеялась я. — Дарила мне билет сюда каждый год на мой день рождения.

— А другие дети любят Диснейленд.

— Билтмор для меня и был Диснейлендом, — улыбнулась я.

Бабушка обвила меня рукой за талию и привлекла к себе.

— Хорошо, что у нас появится еще одно воспоминание о Билтморе, что это место, которое мы всегда очень любили, станет частью самого особенного уик-энда в твоей жизни.

Я открыла фотоальбом на первой странице, и бабушка радостно захлопала в ладоши при виде фото Корнелии Вандербильт, стоящей у подножия парадной лестницы в Билтморе. На ней изысканный атласный туалет, в руках — букет орхидей и лилий.

— Взгляните на первый снимок в ваших фотоальбомах, — с улыбкой обратилась к нам экскурсовод. — Вы видите, что фата Корнелии украшена бельгийским игольным кружевом. — Я присмотрелась. Мы с бабушкой склонились над снимком и охнули в унисон.

— Вот уж и впрямь вещь, достойная восхищения, правда, дамы? — спросила экскурсовод.

У меня бешено заколотилось сердце. Ну что за глупости! Я просто чрезмерно взвинчена из-за свадьбы, взволнована сегодняшним обедом. С другой стороны...

— Вот это да! — восхитилась Сара, глядя через мое плечо. — Невероятно!

— Не то слово, — отозвалась я. — Свадебный туалет Корнелии где-нибудь экспонируется? — поинтересовалась я у гида.

Женщина удрученно покачала головой.

— Платье безвозвратно утрачено, равно как и фамильная реликвия — фата, в которой выходили замуж Корнелия Вандербильт, ее мать Эдит, а также сестры Эдит и ее мама. Их местонахождение для всех остается загадкой. Но команда мастеров из Лондона по фотографиям не без труда воссоздала до мельчайших деталей свадебный туалет Кор-